

А.В. Фрибус
Сателлитные поселения Гонурского оазиса
в контексте степных древностей дельты Мургаба

Первые находки керамики степного облика в древней дельте Мургаба были сделаны еще в первой половине XX столетия [1]. С началом планомерных исследований древнеземледельческих оазисов количество известных материалов значительно возросло. Они были представлены сборами с разветвленных стоянок либо немногочисленными находками непосредственно на территории древнеземледельческих поселений Гонур депе, Аучин, Аджи-куи, Таип, Тахирбай, Тоголок и др. [2, 3 и др.].

В начале 1990-х гг. совместной группой туркменских, российских и итальянских специалистов были начаты работы по составлению археологической карты дельты Мургаба (AMMD project). Реализация этого масштабного проекта заняла почти 15 лет (1990–2005) [4]. В процессе исследований появились новые находки керамики «степного» облика, а также были обнаружены многочисленные следы сателлитных поселений, временных стоянок подвижных скотоводов в непосредственной близости от протогородских центров древних земледельцев. Новые материалы позволили вновь обратиться к вопросу о характере взаимодействия групп скотоводческого и земледельческого населения.

Анализируя материалы исследований стоянок подвижных скотоводов в древней дельте Мургаба, итальянские коллеги пришли к выводу о тесном взаимовлиянии земледельческого и скотоводческого населения в экономике, технологиях и идеологической сфере. Было предложено несколько моделей такого взаимодействия.

Первая модель представлена материалами временного лагеря скотоводов на Аджи-куи. Здесь стоянка располагалась в непосредственной близости от городских стен Аджи-куи 1, а полученные датировки (2210 – 1960 г. до н.э.) позволяют говорить о том, что земледельческая и скотоводческая общины существовали одновременно. По мнению авторов, сохраняя специфику, мобильные скотоводы многое заимствовали у земледельцев [5, р. 678-680]. Лагерь скотоводов в Аджи-куи

может считаться одним из первых свидетельств раннего проникновения степных скотоводов в дельту Мургаба.

Иную модель взаимодействия демонстрируют материалы северного холма Тоголок 1 (1880-1620 до н.э.). Работы 1980-х гг. показали, что это один из значительных протогородских центров БМАК [3]. В верхних слоях здесь обнаружены слои с преобладанием «скотоводческой керамики». Таким образом, стоянка мобильных скотоводов появилась в то время, когда земледельческий центр перестал функционировать или был частично оставлен земледельческой общиной. В данном случае механизм контактов не прослеживается, однако в материалах памятника присутствуют окультуренные злаки, а также многочисленные предметы, связанные с БМАК, в частности украшения, каменные сосуды, печати, амулеты и антропоморфная пластика [5, р. 680-681]. Таким образом, если признать эти слои памятника относящимися исключительно к культуре скотоводов, влияние на них земледельческой культуры было значительным.

Третья модель базируется на материалах наиболее полно и комплексно исследованного памятника – Оджаклы. Эта стоянка расположена изолированно, вдалеке от известных протогородских центров, здесь выявлена жилая зона и участки, на которых было сконцентрировано керамическое производство. На памятнике исследованы двухкамерные печи, близкие по конструкции, но отличающиеся по форме от печей, широко распространенных на поселениях БМАК. Наличие таких печей трудно объяснить, так как в слое абсолютно преобладает лепная, плохо обожженная керамика. Таким образом, Оджаклы демонстрирует специфические формы товарообмена между оседлыми и скотоводческими группами, по всей видимости, нерегулярного и непродолжительного, а также заимствование технологий и представлений, связанных с ними.

Наконец, последняя модель базируется на материалах поселения Чопантам. Так же как и Оджаклы, этот памятник изолирован, расположен на значительном расстоянии от протогородских центров БМАК. Кроме того, это самый поздний и самый южный в долине Мургаба памятник, связанный с присутствием скотоводческих групп. Здесь преобладает лепная

керамика, однако присутствует значительное количество посуды типичной для БМАК, сделанной на круге. Среди материалов зафиксированы ямы для хранения зерна, остатки культурных злаков и даже зернотерки. По мнению авторов раскопок, община, обитавшая здесь, наряду со скотоводством могла заниматься и земледелием [5, p.683-684]. По сути дела, такая модель может быть интерпретирована, как «оседание» скотоводов на землю, интеграция оседлых и подвижных групп, при сохранении базиса традиционной культуры.

Таким образом, представленные модели демонстрируют сложный и нелинейный процесс взаимодействия между земледельческими сообществами и мобильными группами скотоводов в древней дельте Мургаба. Кроме того, можно выделить и определенные хронологические фазы, связанные с изменением стратегий таких связей. Определенными маркерами скотоводческой традиции могут служить отсутствие сырцовой архитектуры, доминирование лепной керамики с примесью шамота, состав стада. С другой стороны, на большинстве поселений присутствуют следы земледелия, окультуренные злаки. Вероятно, проникавшие с севера скотоводческие сообщества заимствовали у жителей протогородских центров некоторые технологии, идеи и предметы материальной культуры, сохраняя в той или иной степени основы собственной идентичности.

Археологические комплексы Гонурского оазиса являются прекрасной площадкой для верификации моделей, выделенных итальянскими коллегами. Гонур-депе – самый большой и хорошо исследованный протогородской центр БМАК.

В 2010-2011 гг. в результате проведения разведочных работ стало ясно, что центральная часть Гонур-Депе окружена многочисленными сателлитными поселениями сельского типа, которые располагаются на расстоянии пешей доступности от основного комплекса. Р.М. Сатаевым и В.В. Куфтериним было выявлено более 20 таких объектов. Все они представляли собой невысокие холмы вытянутой формы, на поверхности которых фиксировались россыпи характерной керамики. Также были зафиксированы и другие объекты – остатки сырцовой архитектуры и керамических печей. На двух таких поселениях,

которые были обозначены как Гонур 20 и Гонур 21, были проведены раскопки. В ходе исследований стало ясно, что поселки имели разную структуру и, возможно, различную специализацию.

На раскопе 1 Гонура 20 было исследовано 2 керамические печи, 12 помещений, образующих небольшой квартал, поминальники и 10 погребений людей и животных. На раскопе 2 была выявлена более сложная архитектура. Здесь были исследованы жилые помещения, которые образуют 4 квартала, поминальники и более 50 погребений людей и животных, которые в основном располагались в центральной части памятника. Следует обратить внимание, что с Гонура 20 происходят находки керамики «степного облика», а также здесь обнаружены конструкции, которые можно считать необычными для БМАК [6, с. 39-43].

Речь идет о полуземлянках и навесах, которые представляли собой, по всей видимости, производственные зоны. Одно из таких сооружений представляло собой прямоугольное помещение, углубленное в материк на 30 см с входом, оформленным в виде пандуса. Внутри находились хозяйственные ямы, заполненные золой. Вдоль стен котлована прослежены столбовые ямки. Подобная постройка могла представлять собой навес либо легкую каркасно-столбовую конструкцию, со стенами, плетеными из прутьев и глиняной обмазкой. Подобные конструкции известны в андроновском ареале.

Гонур 21 представляет собой своеобразную небольшую укрепленную усадьбу. Центральный участок, где располагались помещения, имел подпрямоугольную планировку и был обнесен довольно мощной (до 1,5 м.) стеной, имевшей проход с северной стороны. Кроме того, здесь исследован небольшой могильник, состоящий из 11 погребений, некоторые из которых имели довольно сложную структуру, напоминающую в упрощенном виде устройство гробниц «царского некрополя» Гонур-депе [6, с. 43-44]. Приведенные примеры показывают, что сателлитные поселения Гонурского оазиса имеют разную структуру и предназначение.

Библиографический список

1. Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964.
2. Сарияниди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА, 1975. №2.
3. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. / отв. ред. А.А. Росляков. Ашхабад, 1990.
4. M. Cattani, B. Cerassetti, S. Salvatori and M. Tosi The Murgab Delta in Central Asia 1990-2001: the GIS from Research Resource to a Reasoning Tool for the Study of Settlement Change in Long Term Fluctuation // The Archaeological map of the Murhab Delta Studies and Reports. Vol II. The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands. BAR International Series, 2008.
5. Lynne M. Rouse & Barbara Cerasetti Mixing metaphors: sedentary-mobile interactions and local-global connections in prehistoric Turkmenistan // Antiquity 92363 (2018), 674-689. DOI: 10.15184/aqu2018.88
6. Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008-2011 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. Исследования Гонур-Депе 2008-2011 гг./ глав. ред. В.И. Сарияниди М., 2012.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-40082)

А.М. Илюшин

Влияние миграций в Центральной и Северной Евразии в период развитого средневековья на процесс формирования современных этносов этого региона

Период развитого средневековья характеризуется началом процесса формирования современных этносов на евразийском континенте. Эта особенность исторического периода была характерна и для территорий Центральной и Северной Евразии.